

Джейд Дэвлин

16+

КОРОЛЕВСКИЙ
ТЮЛЬПАН

Джейд Дэвлин

Королевский тюльпан – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67986560

SelfPub; 2022

Аннотация

Казалось бы, что может сделать со своей судьбой попаданка, всю жизнь посвятившая работе с цветами? А это смотря в какой мир попасть! Когда судьба королевской династии и остальной страны зависит от того, расцветет ли магия или завянет на корню, даже скромный флорист окажется ко двору:)

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	68
Глава 12	73
Глава 13	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Джейд Дэвлин

Королевский тюльпан – 2

Глава 1

Лирэн

Спать я лег лишь под утро, выпив не один, как собирался, а три бокала орешки – накрепчайшего зелья, выгнанного из орехов и дробленых косточек. Орешку считают кабацким напитком низшей пробы, но, если ее сделали правильно, голова потом не болит.

Ночной разговор оказался очень неприятным. Сначала собеседник выразил обидчивое сожаление, что пришлось долго ждать. Ни с кем из капитанов он общаться не стал:

– И не только из уважения к вашей иерархии. Мне нужно, чтобы решение было принято как можно скорее, а принять его может лишь глава вашего Братства.

Лицо визитера закрывала большая маска с вырезами для глаз. При короле в таких трудились палачи, но нынче всенародные казни проводятся редко, а исполнители масок не надевают. Судя по запаху, этот палач жевал густой цветочный конфитюр: освежает рот, дает немного дыхания, а главное – меняет голос.

– Какого же решения ждет от нас уважаемый Совет?

Вместо ответа «палач» показал мне две бумажки. Самое главное я увидел сразу – цифры 1500.

– Если вы согласитесь, я ставлю недостающую подпись, вы в любое время суток обращаетесь в казначейство и получаете указанные суммы. Одну – для исполнителей, другую – вам лично. Оставить себе, поделить – это решать вам.

– Хорошие деньги, – сказал я, глядя на невидимое лицо. – Что за них следует сделать?

– До заката вы должны предоставить представителю Совета сотню проворных молодцов, разбитых на хорошо управляемые десятки. Они должны заранее надышаться, действовать придется на пустоши. К каждой десятке будет прикреплен наш куратор.

– Надеюсь, им не придется собирать почки? – усмехнулся я.

– Нет. Заняться сборщиками. Если прикажут их арестовать – арестовать. Если убить – убить. Любого пола и любого возраста.

– Так сколько же человек придется убить? – спросил я с беззаботной улыбкой.

– Столько, сколько будет сказано на месте: пять, десять, двадцать. Сотню не понадобится точно. Однако приказ куратора должен исполняться мгновенно, как лично ваш.

Я зажмурился, вдохнул и выдохнул, мысленно прослушал детскую песенку и вспомнил какую-то молитовку. Потом ответил:

– Дело даже не в суеверии, мы все знаем, что убить лепесточника – к беде. Дело в старом обычае Братства, он называется «попрокурорить». Слышали?

Собеседник ответил, что нет. Я продолжил:

– Нельзя же нанять для убийства как для прополки огорода. Необходимо объяснить – чем так зловреден этот зловредный человечек? Не отдает долги из принципа? Поджигает дома вдов и сирот? Погряз в противоестественном? Убил отца и мать? Пусть половина сказанного – ложь, все равно обычай есть обычай. Так что же такого плохого сделали лепесточники?

На этот раз паузу взял собеседник. А я приглядывался и думал: поделится ли мне с ним сделанным открытием?

– Лепесточники нарушили один из основных запретов Города, – наконец сказал он, – и подлежат наказанию. По решению Совета оно будет осуществлено руками вашего Братства. Думаю, для вас этого должно быть достаточно.

– Уважаемый блюститель Добродетели, – улыбнулся я, – если вы снимете маску, я окончательно поверю, что Совет принял именно это решение.

Люди, которые неумело скрывают лицо, почему-то очень обижаются, когда их разоблачают. Я разглядел злобную гримасу даже под маской. Мой собеседник ее так и не снял. Но проглотил остатки конфитюра и говорил уже узнаваемым голосом.

– Не менее уважаемый глава, или маршал, так называ-

емого Ночного Братства! Если вам необходимо, чтобы я, как вы выражаетесь, «попрокурорил», я назову вам еще одну вину лепесточников. Они совершили ошибку, которую в первую очередь делают вельможи: решили, что Город не может обойтись без их услуг и им сойдет с рук все. Не пройдет и суток, как они очень серьезно в этом разочаруются. Правда, исправиться смогут не все. Сказанное относится и к вашему Братству. Мы терпим его как застарелую болячку, избавиться от которой слишком хлопотно. Но иногда хирургу приходится ампутировать руку или ногу, а не удалять зловредный прыщ!

Видимо, брат блюстителю забыл, что находится не на заседании Совета или на трибуне переполненной площади. Он кричал, и, несмотря на маску, было видно, как брызгает слюной.

Я откинулся в кресле, как пассажир на почтовой станции, когда до дилижанса два часа, и сделал вид, будто задремал. Или даже не сделал вид.

– Думаю, я сказал достаточно, – продолжил гость. – Сейчас для нас важнее всего быстрота. Я пришел к вам, чтобы принятие решения не затягивалось из-за посредников. Каков ваш ответ?

– Подождем, – ответил я, натурально зевнув. – Мне необходимо собрать совет капитанов, и тогда мы решим.

Добродетельник чуть не прикусил маску изнутри. Может, и нарочно, чтобы не сорваться. Встал, ушел без прощания. А

я отправился к себе в спальню. Достал бутылку, выпил два бокала, потом третий и лег. Еще подумал, что надо бы и вправду созвать на вечер совет капитанов. Ладно, проснусь и прикажу.

Меня разбудил Терсан. Его голос был немного взволнован.

– Брат мар, меня послали к вам с просьбой прийти на совет капитанов.

Несколько секунд я тер невыспавшуюся голову. Значит, я все же успел отдать приказ. Но кому? Нет, нельзя сходить с ума. Пока что в своей жизни я не совершил ни одного дела, которое не запомнил.

– Капитаны собрались сами, – уточнил лейтенант. – У них к вам очень важные вопросы.

– Все капитаны? – спросил я.

– Не все, но больше половины. Они очень просили прийти к ним поскорее.

Судя по закатному солнцу, до вечерних сумерек оставалось немного. Я освежился бокалом легкого вина и пошел за Терсаном.

По традиции, совет проходил если не в трактире, то в подземном зале. Я сел во главе стола, оглядел лица. Да, девять человек, больше половины. По крайней мере, одно решение они принять могут.

– Ночной удачи и дневного покоя, – приветствовал я. –

Давайте приступим к делам.

– Без дел мы бы так борзо не прискакали, – проворчал кто-то.

Я одернул наглеца взглядом и посмотрел на Джарнета – самого пожилого из капитанов. Начинай.

– Маршал вершит судьбу Братства, – начал он, как и положено, в третьем лице, – но маршал не может принимать важные решения, не посоветовавшись с братьями.

– Маршал не принимал, – в тон ему ответил я, – он решил посоветоваться с капитанами.

– Иногда решение что-то отложить само является решением, причем очень опасным, – начал Джарнет, но я его перебил:

– Пока маршал спал, человек в большой маске напрямую стакнулся с капитанами?

Все замолчали. Потом опять заговорил Джарнет.

– Да, нам пришлось поступить именно так. Маршал должен знать...

Пошел нудный треп о том, что я знал и так: нас терпят, но могут и уничтожить, нужно взвешивать действия, некоторые просьбы нужно выполнять даже бесплатно...

Я слушал и понимал: оратор тянет время. Он чего-то ждет. Но чего?

И тут открылась дверь. Появился Ухо – капитан, которого не любят, презирают, но боятся. Если лица всех были напряжены, то его – сияло.

– Введите! – приказал он.

Глава 2

Этьен

Когда настала пора уходить, главной проблемой оказалась Крошка. Катланка встала между мной и дверью. Она фырчала, била хвостом о паркет и постоянно растягивалась на полу в том месте, где должна была ступить моя нога. Упорно-безнадежная борьба продолжалась до прихожей. Офицер караула Совета с интересом глядел на нас: возможно, он впервые увидел домашнего катланка.

Наконец я присел и погладил серую морду:

– Крошка, сейчас ты мне не поможешь. Я сделаю все, чтобы мы встретились. Оставайся здесь и не покидай дом, пока он безопасен для тебя.

Слуги получили необходимые инструкции, пока они здесь, кошка голодной не останется. Что же касается книг, старых вещей и самого дома, я попрощался с ними уже давно и уходил не оглядываясь.

Караул, присланный Советом, был вежлив. Например, он воздержался от обыска. Я этим воспользовался, пока собирался. Теперь, в пути, чтобы занять время, проглядывал «Листок свободы». Заметил официальное сообщение от блюстителя Справедливости. Пространная преамбула сообщала, что самозванство – особо антидобродетельное преступление, оно вовлекает в обман честных людей, извраща-

ет их добрую волю и должно наказываться особо беспощадно. В конце перечислялись изменения в действующем законодательстве. Отныне самозванство, независимо от возраста самозванца, каралось как минимум пожизненным заключением в тюрьме с особыми условиями. Такому же наказанию подлежал тот, кто помог самозванцу или встретил его и не донес властям.

– Могли бы просто написать – уничтожается, – шепотом проворчал я.

В зале Совета отсутствовал блюститель Добродетели. Я воспользовался этим и обратился к блюстителю Мира – самому глупому и поэтому самому надежному из коллег.

– Вполне возможно, что в ближайшее время я отбуду в командировку. Если это случится, я хотел бы передать свой дом под ваш патронаж. Условия обычные: пользование в отсутствие хозяина, доход от аренды внешних строений, сохранность имущества. Буду благодарен.

– А я – признателен, – улыбнулся коллега в пышные усы, которые, как он считал, обязан носить каждый военный. Он было пустился в расспросы, но я положил на столик заранее подготовленный договор и сел на канapé, предлагая ему сесть тоже и подписать.

– Ну вот и отлично, – облегченно выдохнул я, представляя чувства прокурора, собравшегося вынести решение о конфискации и узнавшего, что имущество под патронажем глав-

ного генерала. – Был бы очень признателен, если бы вы сохранили прислугу – арендных доходов на это хватит – и позаботились о кошке.

– Как это мило – «позаботиться о кошке», – услышал я насмешливый голос, – особенно о кошке, способной позаботиться о хозяине.

Я обернулся. Рядом стоял блюститель Добродетели, за его спиной – двое охранников в масках, в куртках мышиного цвета, означавших скромность и принадлежность к народу.

– О заботливой кошке мы еще поговорим, – продолжил он, – а пока начнем совещание, у нас слишком мало времени.

Блюститель Добродетели говорил кратко. Лепесточники нарушили экономические договоренности, но главное не это. Они ввязались в политику, укрыв на пустоши малолетнего самозванца. Найти и арестовать его обычной полицейской акцией невозможно. Необходимо решить проблему лепесточников как таковых – устранить их от сбора почек. В процессе этого будет решена и проблема самозванца. Тот, кто даст клятву убраться из города, сможет выйти за кордонную линию, конечно же после обыска и конфискации всех недобродетельно нажитых ценностей. Обязательному задержанию подлежат только мальчишки от пяти до двенадцати лет и их родители или опекуны. Их судьбу, скороговоркой закончил блюститель Добродетели, решат наши помощники из так называемого Ночного Братства.

– Вот резолюция, – закончил он. – Трое членов Совета

уже поставили под ней подписи. Дело за вами, брат Этьен.

– Как блюститель Созидания, – неторопливо начал я, – не вижу экономической целесообразности в таком решении. Что же касается мальчишек-самозванцев, для начала следовало бы убедиться, что они существуют.

– У меня есть доказательства, что именно брату... пока еще брату Этьену, – с ухмылкой заметил блюститель Добродетели, – известно о таких мальчишках на пустоши больше, чем любому из нас. А вот и свидетель.

Двое мышинных стражников убрали ширму у стены. За ней на низком табурете сидел бедолага с перевязанным лицом и руками.

– Это следы знакомства с заботливой кошкой, – с той же усмешкой продолжил блюститель Добродетели. – Ты узнал его голос?

– Да, – ответил тот, – и голос, и лицо, только он был одет как фонарщик.

– Ты послужил Добродетели и можешь удалиться. Гражданин Этьен, мы не будем тратить время, спрашивая у тебя, зачем ты ходил на пустошь. В ближайшие дни ты сможешь дать пояснения народному прокурору и присяжным. Братья, теперь вы согласны, что не ошиблись, подписав вторую резолюцию нашего Совета? Три «за» при одном воздержавшемся.

Блюститель Справедливости взглянул на меня со злорадным торжеством, блюститель Мира – с печальным сочув-

ствием.

– Заберите у гражданина шпагу и проводите во временное жилище, – распорядился блюститель Добродетели.

Лирэн

На вошедшего я взглянул с интересом, а он на меня – со страхом, вдруг я отрежу второе ухо?

– Габош был наказан по правилам, – заметил Джарнет. – По правилам ли поступил ты, не поделившись с капитанами его тайной? Напомни ее, парень, и не трать наше время.

Габош немного сбивчиво, но в целом верно пересказал наш разговор.

– Итак, – заявил Ухо, – маршал узнал, что среди лепесточников скрывается мальчик, очень похожий на принца. И что же сделал маршал? Пусть его ответ будет быстрым и честным! – почти визгливо заметил он.

Во взглядах было не только нетерпение, но и злорадство. Я понял, что не ошибся, заметив слезку во тьме. Или ошибся, не разобравшись с ней.

– Я был на пустоши. С мальчишкой не разговаривал и, как вы убедились, сюда его не привел, – ответил я максимально честно.

Несколько секунд слышались удивленные вопросы: «Это принц или нет?» Я молчал.

Джарнет ударил по столу рукоятью клинка, и все стихли.

– В любом другом деле, – начал он спокойно и мягко, – нам бы хватило твоего объяснения. Сейчас – нет. В одну

ночь ты отказал самому сильному человеку в Городе и ходил искать встречи с тем, кого этот человек боится и ненавидит больше всего. Этого достаточно, чтобы нам объявили войну на уничтожение. Да, наше Братство бессмертно. Нас не уничтожат, но загонят в щели, как крыс, и этого не хочет никто. Маршал стал угрозой для всех, и, пока он спал, старейшина капитанов, Джарнет, исправил его ошибку. Не ради денег, а ради прежних отношений Братства и власти.

– Сделав еще большую ошибку, – сказал я. – Детоубийство и цареубийство, особенно когда они совмещены, это пятно на века. Недаром добродетельный мерзавец решил спихнуть эту работу на Братство – себя защитить, а нас запятнать.

– Лирэн, – старейший капитан в нарушение правила обратился ко мне по имени, – ты прав, это пятно. Но сейчас надо тушить пожар, и я не вижу другого выхода.

– Надо было бы поручить это ему, его руками, – зло сказал Ухо. Я взглянул на него, и он заткнулся.

– У нас нет права разжаловать тебя, это дело большого совета, – продолжил Джарнет. – Но мы вправе лишить тебя полномочий. Отдай клинок маршала. Надеюсь, когда история с лепесточниками закончится, тебя выберут снова.

Я неторопливо вынул клинок, полученный почти год назад. Поднял. Взглянул на Ухо, да так, что тот нырнул за чью-то спину. Метнул – лезвие вошло в столешницу почти наполовину.

И вышел быстрым шагом.

Глава 3

Этьен

То, что ничего хорошего меня не ждет, я понял, когда за дверями секретарского холла дежурный лейтенант гвардии Совета передал меня личной охране блюстителя Добродетели. Я слышал, что этих ребят набирают из узников тюрем, осужденных за столь нехорошие проступки, что защищать их отказалось даже Ночное Братство, если они в него входили.

– Сопроводите гражданина подозреваемого и привезите лекарку-торговку, – сказал лейтенант, возвращаясь в холл.

– Туда, сюда, – проворчал один из охранников в мышинном мундире и черной маске, довольно-таки неучтиво срывая мою шпагу с пояса. – Дыхалки не хватит по городу бегать.

– Не дури, Жареф, – заметил второй, тоже делавший вид, что не замечает меня. – Лучше бегать по городу, чем плестись по пустоши. Вот там точно дыхалки не хватит. Адрес лекарки знаешь? Эй, мелкий, дуй и спроси, пока работу не перехватили.

Третий охранник, самый мелкий по габаритам и, видимо, юный, вернулся в холл.

– А ты двигай! – гавкнул мне объемный громила и толкнул прикладом короткого мушкета.

– Прощу повежливей, – сказал я, оглядывая полутемный и полупустой коридор и заодно дав конвоирам шанс на выживание.

– Повежливей – не вопрос, – осклабился его напарник, хватая меня за правый локоть. – Позолоти дорожку, мы тебя поведем со всем почтением, как кабанчика на праздник.

– Если его уже обыскали, – сплюнул Жареф, – карманы пусты, как вылизанные соты... Нет, не обы...

У завязятых бретеров защитный кинжал для левой руки всегда висит предупреждающе открыто. Конечно, висел – сейчас в Городе Свободы дуэли закончились. Бретеров я особенно не уважал, но с левым клинком тренировался не меньше, чем со шпагой в правой руке, а носил, конечно же, не открыто. А удивился Жареф, когда увидел лезвие, торчащее из плеча напарника. К нему я столь же быстро добавил пару порезов – раны не смертельные, но их получателю будет чем заняться, кроме выполнения своих обязанностей.

Жарефу повезло меньше. Он решил стрелять из короткого ружья, ему не хватило одной секунды. Когда у меня хотят забрать жизнь, тут не до гуманности. Если сам захочу отдать свою жизнь – отдам, а пока – извините.

Конвоир сползал по стене, исследуя рану, тут хватило одного резкого укола. Я возвратил себе шпагу и пошел по коридору быстрым уверенным шагом.

В день Освобождения королевский дворец подвергся столь тщательному разгрому, что годился лишь на склады и

детский приют. Энтузиазм толпы миновал дворец старшего герцога, обиталище королевского брата. Вот в нем-то и заседал Совет Четырех.

В незапамятные времена я пробыл три года в королевских пажах, не раз дежурил и в герцогском дворце. У пажей всегда полно историй с фрейлинами, поэтому мне были ведомы не только парадные залы и коридоры, но и служебные лестницы...

– Он сбежа-а-ал!

Третий, самый счастливый конвоир наконец-то вышел из холла и углядел меня в конце коридора. К той секунде я уже вспомнил три подходящие лестницы, одна из которых гарантированно должна была быть открыта, зато запиралась изнутри. И не ошибся.

Разумеется, я сбежал этажом ниже, слыша отдаленные крики и рев горнов – к моей поимке подключили весь дежурный караул. Разумеется, я открыл дверь, после чего рванулся наверх той же темной бесфонарной лестницей. Пробежал мимо запертой двери, гнувшейся под каблуками, прикладами и алебардами, поднялся на два пролета и присел в максимально возможном отдалении от окна, впрочем уже не освещавшего лестницу.

Раздался грохот упавших досок, на площадку подо мной вылетела толпа, чуть не проломив перила. Разумеется, все взглянули вниз, разумеется, все понеслись туда.

– Стрелять! Живым не брать! – крикнул кто-то в охвостье

погони.

Я удовлетворенно вздохнул. Виды на меня со стороны добродетельника не шли дальше убийства. Похоже, он не мечтал о показательном процессе и казни, а просто хотел избавиться от меня поскорей.

Пусть мечтает.

Разумнее всего было бы прождать здесь пару часов, а потом выбраться тайной калиткой и проведать дом. Но в голове засел приказ арестовать лекарку. Пусть она сама додумалась торговать целебными почками, все равно изрядная доля вины в ее злоключениях на мне. Надо сделать небольшой крюк, предупредить девицу...

Крюк оказался чуть больше планируемого. Выйти пришлось через парадный вход, с разрубленным мундиром и легкой раной. Двое недостаточно бдительных часовых, надеюсь, остались живы.

В эту минуту к герцогскому дворцу подъезжала курьерская пролетка с наисвежайшим запасом заграничных цветов. Пусть она и относилась к моему ведомству, экспедитор-охранник отказался менять маршрут, и его пришлось выкинуть на мостовую. Кучер оказался сговорчивее, когда я пообещал ему десять монет и показал окровавленную шпагу.

Мы немного отъехали от дворца, когда пара лошадей понеслась, и было с чего. Матерчатая крыша разодралась в клочья, и на гору хризантем упало что-то длинное и гибкое,

узнанное мной даже в потемках.

– Бешеный катланк! – в ужасе крикнул кучер.

Меня никогда не удивляло чье-то наблюдение, что катланк умнее собаки. Но я не ожидал такого сочетания собачьего ума с собачьей верностью: сбежать из дома и понять, где находится хозяин.

Кучера удалось успокоить, и некоторое время спустя он прибыл к дому доктора Голова-на-плечах.

В приличных кварталах горят яркие фонари. Тот, что ближе всего к парадному входу, освещал неприглядную картину – двое молодцов в мышинных мундирах тащили к карете лекарку, а еще один грубо держал пожилого доктора.

Я велел кучеру подъехать поближе, а также попросил Крошку остаться на месте. И выскочил, держа руку на шпаге.

– Уважайте старость!

За спиной грубияна, удерживавшего почтенного профессора, вырос мой главный враг и ударил по затылку рукоятью клинка. Доктор удивленно замер на месте, так как его никто не держал.

Охранники, тащившие девицу, немедленно прекратили это занятие. Один из них прицелился в маршала воров, и жить тому оставалась одна секунда...

Но мне хватило ее, чтобы одним ударом сохранить жизнь своему заклятому врагу. Напарник охранника выхватил шпагу и кинулся на меня. Вероятно, это был бывший аристократ, забывший имя, но не фехтовальное умение. Я с трудом

отбил два удара и получил царапину.

Бить в спину ножом подло. Но этот удар моего врага, похоже, спас мне жизнь.

– Не время для благородства, вельможа, – сказал мне Лирэн – наконец-то я вспомнил имя врага.

– Но время для визита вы нашли, – заметил я, убирая шпагу в ножны.

– Делать было нечего, хотел проведать даму, но чуть опоздал. Мадам, каковы ваши планы?

– Поскорее удалиться отсюда, – ответила лекарка. – Без меня профессору ничего не угрожает.

– Последний вопрос, – ухмыльнулся главарь негодяев. – Мы разбегаемся или держимся вместе?

– Зачем вам наше общество? – спросил я. – Разве к вашим услугам не сотни клинков?

– Именно сейчас – мой один, – вздохнул Лирэн. – Что мы решили?

Решение было простым – предупредить об опасности пришелицу и принца. По пути бывший главарь поведал об инструкции, данной карательным отрядам: уничтожать всех лепесточников, но детей от пяти до двенадцати лет и их семьи захватывать в ожидании приказа.

Уже скоро усталые коняги дотащили экипаж до границы пустоши. Лирэн выскочил первый, потом обернулся ко мне: – Придется выйти. Впереди цепь из наших. Меня они про-

пустят, вас тоже. Но сбоку отряд стражи. Давайте возьмем по охапке цветов.

Я кинул испуганному кучеру кошель, и мы рванули в темноту. Уже скоро обернувшуюся для меня вспышкой и ударом.

Глава 4

Алина

– Он прав. – Магали, отдуваясь, уложила свою ношу под куст и быстро начала раздевать, добираясь до раны. – Уходите как можно глубже. Туда, где вас не достанут.

– А вы? – Я быстренько уронила поклажу под соседний куст и стала помогать лекарке, не слушая ее злобного шипения.

– Мы не лепесточки и все равно не сможем дышать там, куда вы уйдете.

– Чушь не мели, – рыкнула на него Магали. – Вы оба надыханные и с бутонем в каждом кармане. Да и я не лыком шита. Но вот этот господин точно истечет кровью, если сейчас ее не остановить и не сделать перевязку.

– Сколько времени тебе нужно? – Зеленоглазый блондин закусил губу и прищурился в заросли. А потом щелкнул, и только тогда я сообразила, что он перезарядил пистолет и достал еще один из-за пояса. Собирается отстреливаться? Мама... Что-то как-то это все страшно и ни фиги не весело...

Наверное, от страха мозги заработали быстрее и четче. И выдали план действий. Руки сами, словно без участия разума, подавали, придерживали, промокали и затягивали там и так, как велела Магали. Уже через минуту раненый брюнет был перевязан, а вооруженный до зубов блондин дернут сза-

ди за куртку.

– Уходим все вместе. Вглубь. Будьте добры, помогите своему другу, не может же девушка и дальше таскать здорового мужчину по пересеченной местности.

– Моему другу?! – Блондин так изумился, что сначала хлопал глазами, а потом без писка и прочих глупых пререканий взвалил брюнета себе на спину и вдруг усмехнулся, глядя мне в лицо:

– Куда смогу – донесу. Но в самую глубь не получится, даже с бутонами у лица. Так что вам надо быть готовыми к тому, что оставите нас и двинетесь дальше. Это к лучшему – я так просто не собираюсь сдаваться и заберу с собой столько подонков добродетельного мерзавца, сколько получится.

Искоса глянув на Магали, я кивнула. В памяти сам собой всплыл тот странный случай, когда лекарка не задохнулась в кустах, хотя я затащила ее достаточно глубоко. Но тогда у меня не было времени как следует обдумать это происшествие. Да и позже не получилось – события полетели как камни с крутого обрыва.

А теперь там, за полосой кустов, слышался странный и опасный шум, от которого волоски вдоль позвоночника вставали дыбом и коленки сами начинали подгибаться. Хотелось упасть в листья, закрыть голову руками, зажмуриться и твердить: «Меня здесь нет, меня здесь нет!»

Но нельзя. Со мной люди. И ребенок! Так что, Лина, взяла себя в руки и...

– Там видно будет, куда вы сможете пойти. – Я помогла Магали быстро собрать в холщовую сумку, висевшую у нее через плечо, все ее инструменты, снадобья и бинты, а потом за руку потащила к тревожно переговаривающимся чуть в отдалении лепесточникам, с которыми оставался Нико.

– Надо уходить вглубь пустоши? – сразу спросил Луи. – Перекрыли пути?

– Да. – Я кивнула. – Другого выхода нет.

– Если те, что на нас охотятся, со свежими бутонами и надышанные, достанут, – озабоченно покачал головой леший.

– Все равно деваться некуда. Идемте, быстрее! – скомандовала я, мысленно охая – предводительница нашлась... а куда деваться?

Дальше все слилось в мутный калейдоскоп торопливой ходьбы, почти бега, страха, нарастающих выкриков где-то там, позади, тяжелого дыхания и усиливающейся паники.

Блондин пер брюнета и зло пыхтел на ходу, Нико вцепился в мою руку и вздрагивал от каждого резкого звука, даже если это был треск сучка под его же ботинком. Внешне он старался не показывать страха, не ныл, не плакал. Но был бледен почти до синевы, а глаза казались черными из-за ненормально расширенных зрачков.

– Дальше нам хода нет, – остановил всю колонну смутно знакомый лепесточник, на вид самый старый в нашей компании. – Задыхаться будем. Придется драться.

Судя по тому, как грамотно начали рассасываться по ку-

стам и укрытиям кивающие ему соплеменники, они давно все для себя решили и не собирались безропотно подставлять шеи под нож.

Зеленоглазый тоже примерился, под какой куст уронить раненого, но вдруг получил тычок от запыхавшейся Магали.

– Надо идти дальше! Она – дыхание! – коротко рявкнула лекарка, ткнув в меня пальцем. – Ну чего вылупились?! Неужели столько времени рядом прожили и не заметили, что она вообще не задыхается без цветов?

– Она пришелица. – Блондин поглядел на меня очень задумчиво, словно внутри своей головы взвешивал и приценивался, сколько золота взять за каждую часть тела. – Конечно, ей не нужны цветы. А вот мы...

– Она не просто пришелица, она пришла из того же мира, что и дед, – вздохнула Магали. По ее виду было понятно, как не хотелось лекарке выкладывать все карты на стол, но сейчас у нее не было иного выхода. – Ну! Соображайте! А вы – тем более! – Ее палец уверенно ткнул в одного старого лепесточника, потом в другого. – Ваши же легенды! Про древних предков! Так вот она такая же. Не только сама дышит, но и другим дает дышать. Поэтому все должны уходить в самую глубь пустоши, и тогда мы спасемся!

Оппа!

Мне стало еще больше не по себе, потому что на меня никогда в жизни так не смотрели. Тоже мне, нашлась кислородная машинка на всю палату.

Все повернулись и вытаращились так, словно у меня на голове минимум две пары рогов выросло.

– Как интересно, – протянул блондин, и в его зеленющих глазах засветились непонятные искры. Непонятные, но явно опасные какие-то. – А вы полны сюрпризов, мадемуазель.

– Некогда болтать. – Я нагнулась и подхватила Нико на руки, вскользь заметила, что Паршивец держится рядом с нами и одновременно поближе к Крошке-Багире, повернулась к Луи и велела:

– Раз я такая необыкновенно дыхательная, так и нечего время терять, враги близко! Бегом!

И правда, азартные крики загонщиков стали ближе, в прорехах зелени мелькали пятна факельного света. Судя по звукам, те, кто решил этой ночью поохотиться на лепесточников, думали, что это неплохая забава. До нас долетел даже смех кого-то из охотников.

Я зло поджала губы и ломанулась прямо в сторону выжженной пустоши. Отведу народ к своей грядке с тюльпанами. Ну да, получается, посторонние увидят результаты моих экспериментов. А что делать? И так уже расшифровалась по самое не могу.

Вот только мои спутники, которые вроде и поверили Магали, чем дальше мы уходили от городских огней в темноту, тем неувереннее двигались вперед. А потом и вовсе начали останавливаться, хватаясь за горло и за грудь.

Черт! Неужели Магали ошиблась? Неужели люди задох-

нутя?!

Глава 5

Я застыла, мгновенно выпав из одной паники в другую. Завела людей, понадеялась на свои непроверенные способности, а они задохнутся. И что мне делать?!

– А ну, прекратите! – вдруг в голос рявкнула Магали.

Все сразу посмотрели на нее, в том числе и я. А лекарка, красная от бега и гнева, уперла руки в боки и продолжала разоряться, как торговка на базаре:

– Сами себе страх придумали, от него и задыхаетесь! Ну?! Как я заорала, так и дышать стало легче, а? Я вот не задыхаюсь. И он, – тут Магали ткнула в бессознательного, но вполне себе сопящего брюнета на спине у блондина. – А все почему? А потому, что он не знает, что здесь ему нельзя дышать! Не боится, сам себя за горло не сжимает и дышит ее дыханием спокойненько!

Рядом со мной первым глубоко вздохнул блондин. Его зрачки изумленно расширились, он рывком поправил на своей спине раненого и схватил меня за предплечье, заглядывая в лицо. Потом перестали корчиться Луи с Франсуазой, потом...

Потом где-то уже совсем близко затрещали кусты, и грубый голос рявкнул:

– Здесь они! Попались, голубчики!

Вот тут уже стало не до удивления и попыток разузнать,

что там такое удивительное с дыханием и моим присутствием. Мы все дружно ломанулись сквозь заросли, словно стадо испуганных оленей, куда угодно, лишь бы подальше от погоны.

Вопли преследователей стали еще азартнее, в них слышалась злая радость и какое-то нездоровое предвкушение. Они пока еще не задыхались, и я даже поняла почему, когда оглянулась и заметила мелькнувшего среди веток мужчину. У него на лице была полотняная повязка, набитая чем-то. Наверняка свежими цветами, в руке – ружье.

Вот гады! Они действительно хотели убить всех лепесточников!

А иначе почему эти сволочи начали бы стрелять? Не разбирая в кого – в детей, стариков, женщин... в спину.

– Быстрее!

Я прямо чувствовала, как свинцовые шарики устрашающих размеров свистят вокруг, ломают ветки и дырявят листья. Единственное, на что меня хватило, это не бежать по прямой, а драпать как заяц, рваными зигзагами. С ребенком на руках это было непросто, тем более что Нико вдруг начал брыкаться и кричать:

– Лина, пусти, я сам! Сам!

Да шаз-з-з...

Только стиснула сильнее, пригнулась и прибавила скорости. Мысли в голове метались перепуганной птичьей стаей – не дай бог, остальные лепесточники бросятся убежать в раз-

ные стороны, они или задохнутся, или попадут в лапы загонщикам!

Но боялась я зря – даже если паника и погнала перепуганных людей куда попало, преследователи не дали нам ни малейшей возможности сменить направление. Нас целенаправленно гнали в самую глубину проклятых территорий.

Они же не знали, что нам того и надо!

Правда, мои невольные спутники все никак не могли поверить в «чудо», то и дело спотыкались и тормозили. Точнее, хотели бы притормозить, но головорезы с оружием оказались страшнее неизвестности впереди.

Поэтому, когда перед нами замаячила серая земля, просвечивая между рдеющими ветками, а крики загонщиков слегка отстали – даже с масками на лице эти сволочи не рискнули соваться настолько глубоко в пустоши, – люди, вместо того чтобы остановиться, прибавили ходу.

Сначала мы все бежали, не разбирая земли под ногами. Потом, когда серый пепел пыльным облаком окутал всю толпу, поневоле стали останавливаться. Кашлять, задыхаться, но не оттого, что воздух вокруг проклят, а просто запыхались, и мелкая пепельная взвесь забила в рот и нос.

Какое-то время все кашляли и терли лица, кто-то опустился прямо на землю, кто-то пытался поддержать товарища. И только время спустя до нас дошло: крики загонщиков больше не слышны совсем, даже кромка зелени осталась за гребнем серой земли. Погоня прекратилась.

Тогда, что называется, считать мы стали раны. То есть сначала народ ошалело оглядывался и явно тихо офигевал от того, где мы все очутились. А потом застонал и опустился в пыль Луи.

– Что?! – Я кинулась к нему, так и не выпуская из рук Нико.

– Нога, – пропыхтел наш родной леший, задирая тунику. Штанина на правом бедре уже пропиталась кровью.

– Кто еще ранен? – Магали, едва пришла в себя после сумасшедшего бега, тут же вспомнила, что она не просто мимо медицины проходила. – Осмотрите себя и соседей, на бегу от страха могли не почувствовать! Кого задели, даже вскользь, подходите сюда, надо быстро промыть раны и наложить повязки! Неважно, что мы дышим рядом со свечой, – кивнула она на меня. – Мешать внутренние жидкости с этим пеплом не стоит, вдруг он ядовитый.

Дальше для меня все какое-то время было как в тумане – похоже, нагнал откат. Шутка ли – столько бежать, спасаться от пуль, чувствовать, как тебя загоняют, словно зверя, бояться смерти, причем даже не своей... даром такое не дается.

На мне, к счастью, не оказалось ни царапины, Нико тоже не пострадал. Но среди лепесточников были раненые, а еще мы недосчитались одного малыша и нескольких самых старых жителей роши.

Это было ужасно. Потому что вернуться за пропавшими мы не могли. Слава богу, буквально через пять минут одна

бабушка с тем самым пропавшим малышом догнала нас сама – как оказалось, она отстала совсем немного, просто пыталась отдышаться за ближайшим взгорком. Туда, кажется, тоже доставала моя сила «свечи».

Но двоих дедов мы все же потеряли. Ох... а кроме этого, имелась пуля в бедре у Луи, пуля в плече у брюнета (Этьен, его зовут Этьен, я вспомнила). Еще несколько сквозных ран, довольно много царапин, ссадин, и полно ушибов. Лирэн (тоже вспомнила, видимо, бег по пересеченной местности в условиях хреновой видимости, да еще и под обстрелом, стимулирует мозги лучше витаминов) отделался парой ссадин и ожогом от пороха на левой руке – как я поняла, отстреливался и пытался перезарядить оружие на полном скаку. Даже думать не хочу, как он это делал, главное – не пострадал.

Казалось бы, чего мне жалеть этого нахала. Но он все же пришел, чтобы предупредить нас, и защищал от загонщиков. Значит, как минимум сейчас мы с ним на одной стороне и его враги – наши враги.

Вообще, его присутствие беспокоило меня даже на фоне всеобщего триндеца. Становилось не по себе от взглядов, странно от прикосновений (он помог мне усадить Нико рядом с раненым лешим и придержал под локоть, когда споткнулась).

Брюнет Этьен все еще не пришел в себя, но он меня так не тревожил. Вежливый мужчина, и вообще... какой-то прямой, прозрачный, что ли. А этот хитрован – у него даже зе-

ленные глаза как у лиса, какие-то раскосо-насмешливые.

– Плоховато дело, – отвлекла меня от размышлений Магали, утирая пот со лба.

– Что?!

– У меня с собой есть лекарства и инструменты, чтобы достать пулю из плеча господина Этьена. Но вот с бедром старика все сложнее. Глубоко засела. Нужен большой хирургический набор и другие снадобья. Денек лохматый еще потерпит, а потом свинец в ране его убьет. Надо вынимать.

Я не успела вздохнуть – еще одна ягодка-проблемка в большую корзину, как раздался удивленный детский голос:

– Мамочка, что это?

Глава 6

Алина

Я тихонько заскулила, как Муму с кирпичом на шее. Что еще такое? Местная проклятая форма особо агрессив-но-прожорливой жизни? Яма без дна?

Сделала несколько шагов в сторону голоса. И обругала себя вороной повышенной забывчивости. Правда, по-добро-му.

Девчонка трех-четырёх лет пялилась на маленькую гря-дочку, на то, чего в этом разнесчастном городе не видали и дети ее постарше, – на растущие цветы. На мою тюльпанную плантацию. Да, ее обитатели пока еще подростки-недорост-ки. Однако за два дня, которые я их не посещала, они вытя-нулись в длину, а бутончики раскрылись. Скромно, несмело, но все равно даже в полутьме было видно – это цветы, а не какая-то форма лука-порая.

Я тихо рассмеялась так, что слезы заручьились по пыль-ным щекам. Хоть какая-то добрая новость за эти проклятые сутки!

Вокруг собирались лепесточники, даже Луи потребовал, чтобы его подвели. Глазели, шептались, кто-то встал на ко-лени, чтобы поближе рассмотреть цветок. Протянул руку, но трогать не решился – вдруг тот исчезнет от такого панибрат-ства.

Я опять усмехнулась, вспомнив добрый анекдот, как дру-
гой мужик нырнул, спас Муму, развязал.

– Благодарствую, – прогавкала откашлявшаяся собачон-
ка.

– Говорящая собака! – изумился мужик.

– Говорящий мужик! – изумилась Муму.

Вот так же дивились и лепесточки, увидев растущие, а
не срезанные цветы.

– Похоже, Филь-Филь-вторая, убежав с песочка, не теряла
времени даром, – услышала я насмешливый голос.

Рядом стоял Лирэн. Смешки смешками, но я чувствовала
– он удивлен не меньше других.

– Будете обзывать чужими именами...

Хотела закончить: «Превращу вас в крысу». Но я подума-
ла, что у меня еще не столь солидная волшебная репутация,
да и с этого нахала станет потребовать демонстрации могу-
щества.

– ...сама буду называть вас Зеленоглазым Крысом.

Нахал присел на корточки. Я даже испугалась: вдруг тоже
словил пулю и полчаса играл в героического мужичку? Но
он просто хохотал. При таком освещении сразу и не поймешь
– всерьез или придуряется.

– Назовите ваше настоящее имя – и больше никаких об-
зывалок.

Ну что тут будешь делать?

– Можете называть меня Линой, – сказала я.

– Если это ваша работа, то вы вправе называться «Волшебница Лина», – заметил Лирэн, не торопившийся подняться и глядевший на тюльпан.

Я хотела ответить, что мое чудо – полчаса нормальной садоводческой работы в день. А еще – что хватит пялиться на меня и цветы, надо помочь раненым. Но тут та же девчонка, обнаружившая тайную плантацию, тихонько сказала:

– Ой, как легко дышится! Даже танцевать хочется.

Я в очередной раз поразила лепесточникам. Этот несчастный табор только что спасся от погони и должен был зализывать раны, заодно считать товарищей, кто не выжил, и плакать. А они, то ли как дети, то ли как ученые, стали исследовать находку. Просили меня отойти, подходили к моей любительской клумбе, вдыхали. И пару раз пускались в пляс.

К моему удивлению, Лирэн начал командовать, и, к еще большему удивлению, его слушались. Магали попросила вскипятить воду – он распорядился выкопать яму и развести костер в ней. Запретил зажигать факелы и показал, как сделать потайной фонарь. Велел четверем юнцам надышаться цветами – у него в торбе оказался целый ворох – и установил наблюдение.

Потом приказал женщинам приготовить еду, но мы и без него сообразили. Война войной, а желудок сам командует. Когда он подошел ко мне, я уже наломала два хлеба и нарезала окорок.

– Как-то вы легко стали у них командиром, – заметила я.

– А это проще простого, – усмехнулся Лирэн, подхватывая кусок. Несмотря на темноту, я поняла, что он безошибочно выбрал самый толстый. – Знаете, как называют лепесточников? Королевство без короля, банда без атамана. Кто говорит умные вещи, а главное – вовремя, тот и маршал лепесточников. И почему я в детстве не стал лепесточником? Впрочем, тогда кто бы им помог?

– А если маршал станет говорить глупости? – прервала я философствование с набитым ртом.

– Будет говорить глупости или умности не ко времени – просто перестанут слушать, – невнятно ответил Лирэн, додая второй кусок. – Спасибо за угощение, сейчас проверю своего раненого друга.

Слово «друг» было сказано с такой презрительно-насмешливой интонацией, что я, уже решившая отчитать нахала за покусовничество, усмехнулась сама.

Скоро весь наш табор потянулся к застолью. Из ямы поблескивал огонь, на небе горели звезды. Не хватало только гитары – «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались» – и нормальный туристский поход. Хотелось смеяться и плакать. Впрочем, сейчас больше всего хотелось есть.

– Между прочим, – шепнул Лирэн, подсаживаясь ко мне с куском хлеба, поджаренным в ямочном костре, – вся история-то из-за него. А еще, я слышал, принцы звериный язык знают.

Нико почти ничего не ел. Он сидел между Крошкой и Паршивцем и действительно разговаривал с катланками. В отблесках подземного костра четвероногая подружка Этьена казалась настоящей пантерой.

– А они будут выяснять, он погиб или нет? – шепотом спросила я.

– Они трусы, – презрительно сказала Магали. – Будут подходить, уткнувшись носом в букет, но едва запершит в горле – убегать. Впрочем, в приморских городах есть особые костюмы для тех, кто ищет клады на дне моря.

– Будет так, – уверенно, без шуток сказал Лирэн. – К утру главному добродетельнику доложат, что облава прошла успешно и все лепесточки уничтожены – ведь слово «принц» в официальном приказе не прозвучало. Подлец захочет увидеть тела. Ему скажут, что все сгорели. Он повторит приказ – ему принесут кучу золы с обгоревшими помощными костями. Но все это – не раньше чем завтра, – закончил он и сладко зевнул.

Я доела бутерброд и поняла, что тоже не мешало бы ненадолго отдохнуть. Даже не засыпать. Закутаться, положить под бок Нико с Паши и поглядеть, лежа, на звездное небо, как и полагается в туристическом походе. Хоть и таком экстремальном, как наш.

Проснулась я от холода – Нико рядом не было. Воздух посвежел, звезды поблекли, приближался рассвет. А еще под

конец мне приснилось, что неподалеку кто-то яростно спорит. И это был не сон.

– И еще раз говорю: ничего он тебе не даст! – донесся злой шепот Магали.

– Но я же вчера... – ответил Лирэн.

– ...ему помог, – докончила Магали тем же свистящим шепотом. – Он был в нервной прострации, тебя не запомнил и не выдаст тебе даже пузырька!

– И еще раз говорю, – чуть тише, но столь же напряженно-насмешливо заметил Лирэн, – ты не пройдешь посты.

– Стража – трус на ротозее, – усмехнулась лекарка. – Выпили вчера за победу над стариками и заснули.

– Кроме стражи, – уже не насмешливо ответил Лирэн, – там мои люди. Они знают: если заснуть на шухере, проснешься в тюрьме и свои не вытащат – за дело попал. Они и меня заметят, скорее всего. Но я сквозь них пройду, а ты – нет.

– Зато если я проберусь, то возьму все, что надо, – упрямылась Магали.

Я слышала спор все отчетливей и отчетливей, потому что приближалась почти ползком. На полпути наткнулась на подслушивающую парочку – Нико и Паршивец. Маленький принц что-то шептал или мурлыкал, будто переводил коту.

– Не проберешься, – повторил Лирэн. – У нас в Братстве двойные уши. Вот слышу, что к нам крадутся.

– Доброе утро, – сказала я, вставая. – А я нашла выход!

Глава 7

Алина

Оказывается, я умею спорить быстро, резко, тихо. И самое главное – успешно. За три минуты я убедила Магали и Лирэна, что идти должна я. Точнее, мы вдвоем.

– А если они без тебя задохнутся? – неуверенно возражала Магали.

– Ты же человек науки. В смысле, знаний, – напирала я. – Уже могла эмпирически убедиться – без меня они вполне дышат, когда вокруг грядки кучкуются. Я нарочно шагов на тридцать отходила от группы, и ничего. А вот без тебя раненым будет плохо.

– Хуже всего, если не вернешься, – проворчала Магали тоном окончательной капитуляции. После чего достала кожаную нашейную сумейку с блокнотиком и маленьким чернильным набором и стала набрасывать список.

– Еще одна заморочка, – без ехидства заметил Лирэн. – Сейчас посты мы пройдем, но затемно вернуться не успеем. С рассвета у моих людей, или уже не моих, – беспечно заметил он, – закончится контракт, они уйдут, и вместо них поставят много стражи. Тогда опять придется темноты ждать.

– И пули в ранах будут ждать темноты, ага, – проворчала Магали. – Эй, пострел, тут взрослые дела.

– Если узелок небольшой, фунт-полтора, его может при-

нести Крошка, – сказал Нико, не обративший внимания на замечание. – Я с ней поговорил, еще и Паши подтвердил для убедительности, что так она спасет хозяина. Она согласилась.

Я была уверена, что лекарка съезвит в ответ, но Магали серьезно посмотрела на Нико.

– Так лучше. У катланка не отнимут, а вам и вправду не надо по свету шастать. Она-то поймет?

– Да, – ответил Нико, – только спросит разрешения у хозяина.

Я заметила, что он не называл Этьена по имени.

Дальше было небольшое чудо из тех, к которым пора бы уже привыкнуть в этом мире. Маленький принц встал, что-то муркнул большущей кошке, и та пошла за ним как пес на поводке.

Мы отправились следом. Раненый брюнет лежал на ложе из сухих листьев – умница Магали. Он уже пришел в себя.

– Доброе утро, мадам. – Этьен почти удачно изобразил улыбку. – Простите, что не могу вас приветствовать стоя. У вас нет лучшего варианта, чем использовать мою кошку в качестве почтового голубя?

– Нет, – ответила лекарка. – Медикаменты нужны до вечера.

Этьен не стал спорить. Он протянул руку, положил на загривок своей пантеро-рыси, потом поманил меня пальцем, взял мою правую ладонь другой рукой и тоже поставил на

кошачью голову. Животное пристально и печально взглянуло на меня, будто спрашивало: «Ты правда ему поможешь?»

– Да, – синхронно сказала я и громко мяукнул Паши.

Я ожидала от Этьена какой-нибудь банальности вроде «не перегружайте кошку», но он лишь улыбнулся, потрепал ее по уху и закрыл глаза.

– Пошли, я еще список не дописала, – шепнула Магали.

Мы прошли двадцать шагов от импровизированного лаварета до импровизированной столовой.

– Вдвоем идти всегда лучше, – улыбчивым шепотом заметил Лирэн. – Между прочим, на свое первое серьезное дело я тоже пошел с девчонкой.

– Какое? – не удержалась от вопроса я.

– Пустяк. Или не пустяк. Последний побег из приюта, для разнообразия – с подружкой. Заодно обчистили директора. С вечера опоили, усыпили, это отдельная история, зато крепче, чем он, могли спать лишь мертвецы. Ошуровали жилище, как сумели, вынесли все, что смогли выдержать хилые плечики двух заморышей-недокормышей. Вообще-то, за то, что он творил с воспитанниками, полагалось зарезать, но я был тогда еще добрым.

– А что сделал с подружкой? – недовольно спросила Магали. – Продал в публичный дом?

Зря она так с ним. Неожиданно я оказалась на стороне наглого блондина.

– Нет, мадам, – ответил он почти без паузы. – Тогда я еще

никого не мог продать, так что ее продали без меня. Зато через три года я ее оттуда вытащил, со всеми честно расплатился, нашел мужа, сам был сватом, знаете, какая морока? Муж оказался на удивление приличным, правда, чтобы на улице не болтали, пришлось отрезать языки двум соседям и трем соседкам. Кстати, в вашу лечебню не обращался скоп пациентов с одинаковой бедой?

– Вроде бы нет, – ответила слегка удивленная Магали.

– Конечно, не обращался, – рассмеялся Лирэн. – Я пошутил. Отрезал только один язык, да и то не весь.

Магали растерянно замолчала, а я неожиданно обрадовалась – срезал.

– Ладно, – наконец сказала она. – Наболтайся сейчас, потом долго молчать придется. Да, – обратилась лекарка уже ко мне, – замри, я на тебя фонариком посвечу. Ты лепесточную одежду здесь оставь. Лепесточнице сейчас по городу гулять – как мышке пожаловать на кошачью свадьбу.

Умница! А я так и поперлась бы в одежде отверженного племени, которое со вчерашнего вечера стало преступным.

Проблему решили быстро. За несколько встреч с Магали у меня накопился небольшой гардероб, можно выбирать. Когда я переоделась, Лирэн признал меня вдовушкой чиновника средней руки.

Магали то ли прочитала краткую молитву, то ли выругалась, Франсю произнесла какое-то заклятие, Нико прижался ко мне напоследок, и мы, наконец, двинулись в путь.

Через несколько шагов я остановилась, замерла: не услышу ли следом тихие мальчишеские шаги? Нет, маленький принц и его котенок остались в лагере.

– Он дал слово и не пойдет, – еле слышно шепнул Лирэн. – Он приютский мальчишка!

Пока мы крались по гостеприимной пустоши в сторону проклятого города – Лирэн впереди, я на три шага сзади, кошка рядом, – меня мучил один и тот же вопрос: почему я так хотела пойти? Зачем это лишнее приключение?

Ответ был ясен и прост: если не сделать чего-нибудь этим утром, до вечера не доживу. Вся моя терпелка, все силы ушли на вчерашний бросок, когда нас едва не поймали.

Останусь здесь – меня переклинит и скрутит. День-деньской ждать чего? Когда явятся монстры, обвязанные букетами, проверять, живы мы или нет? Мужчины хотя бы смогут отдать жизнь в бою. А я?

Может, это эгоистично. Но бывает, когда так надо поступить: сразу после работы пойти не в семью, а на долгий шопинг. Или в бар с подружками, выпить винишка. Иначе сгоршишь и никому уже не поможешь. А вот сейчас мне казалось, что если пойти прогуляться, отойти от этой пустоши, то выход найдется.

– Стоп! – донесся еле слышный шепоток. – Тут стража, и не спит. Обходим, пока не выйдем на моих.

Я вздрогнула, видимо от рассветного ветерка. Все же мы

идем не в бар, а в город, где каждого из нас хотят поймать. Разве что кроме Крошки, да и то, пока еще не видели рядом с нами.

Мы прошли не меньше двухсот шагов почти невидимой тропинкой, когда Лирэн остановился и сделал отмашку рукой. Внезапно раздалось резкое уханье какой-то птицы, и я не сразу поняла, что это он.

Секунду спустя из кустов ответил такой же «сыч».

– Кто сигналит? – услышала я незнакомый хриплый шепот.

– Маршал.

– Бывший маршал, – раздалось из-за куста, – ты куда это направился?

Глава 8

Алина

М-да, начало разговора нерадостное. Недаром блондинчик взял паузу. Нет, все же ответил, в прежнем насмешливом тоне:

– Объясните кто-нибудь дорогому брату Ухо, что маршал становится бывшим только после Совета Братства.

До меня донеслись разноголосые шепотки: «Он прав». Похоже, в кустах засела целая банда. Разобрался бы он с ней поскорее, а то, судя по небу, скоро настанет пора не сычей, а жаворонков.

В мою ногу что-то ткнулось. Я машинально опустила руку и почесала за ушами невидимую голову на уровне бедра. Похоже, эта «крошечная» пантера признала меня временной хозяйкой.

– Лады, – сказал неприятный тип по кличке Ухо, когда-то отправивший меня на песочек. – Тогда скажи, пока еще не бывший маршал, все ли лепесточки померли? Да ты-то сам как выжил? – На этот раз в шепоте Уха слышалось искреннее удивление. – Может, ты вообще мертвец?

– Если я мертвец, – голос Лирэна стал совсем веселым, – я на твоём месте, Ухо, не высывался бы. Забыл мудрость: с мертвецом связаться – мертвецом оказаться? А насчет лепесточников... Помните, братья, другую мудрость: умный

кот всех мышей не переловит? Вы свою работу честно сделали, я свою. Так, братья?

В кустах раздался ожесточенный спорящий шепот. Похоже, большинство братьев согласились. Крошка тихо муркнула – люди, чего стоим, договаривайтесь быстрее!

Лирэн сделал шаг вперед:

– Ну а так, братья, давайте, во имя Братства, все сейчас на одну минутку закроют глаза и никто никого не увидит.

В кустах замолчали. Может, аудиопсихолог я никакой, но молчание было напряженным.

– Вот что, брат мар, – донесся молодой голос, – живой ты или мертвый – проходи, твой путь – твой путь. Но мы глаза не закроем. Каждому сказано было, и стражникам, и нам: если кто пропустит любого мальчишку с пустоши, того на тысячу кусков порвут, а перед этим – всю его родню, даже если он сирота. Найдут и порвут. Мы увидеть должны, что ты один идешь.

– Клянусь клинком и жизнью, что мальчишка со мной не идет, – ответил Лирэн уже без всякой насмешки.

Опять завозились, послышалась реплика Уха: «Не ве...», но его заткнули.

– Нет, брат мар, – наконец сказал тот же рассудительный молодчик, – эта игра с высокой ставкой, и твоей жизни маловато будет. Глаза не закроем.

– Ну, если вам моей жизни мало, – протяженно и напряженно сказал Лирэн.

Несмотря на темноту, я разглядела, что его правая рука сжимает клинок, а в левой – огнестрел. Крошка тихо зашипела, предчувствуя битву...

...которой я совершенно не желала. Мы же, блин, идем за лекарствами, а не за новыми ранами.

Поэтому я вышла из темноты, приблизилась к Лирэну. Надеюсь, света, чтобы разглядеть мое светлое платье, хватало.

– Я тут за компанию с господином, – сказала негромко и спокойно. Сердечко, зараза, чего ж так бьешься? – Вам обещали что-нибудь отрезать за мимохожую женщину?

Опять шепот, уже изумленный. Гадлю по имени Ухо шипел, что меня уже видел, и вообще. Его перебивали, говорили, что насчет женщин и девиц категорического приказа не было.

– Тише, братики, стражу разбудите, – заметил Лирэн прежним насмешливым голосом, и в кустах затихло.

– Тогда мы пошли, – сказала я, надеюсь, что ровным тоном. – А вы смотрите и хватайте всех мальчишек, которые идут с нами. Кошку только не хватайте: она и откусить может что-нибудь самому шустрому.

И вышла вперед, да еще дернула за рукав Лирэна. Так резко, что ему пришлось шагнуть следом.

Крошку тем более не пришлось просить. Она так и крадась рядом с нами. Поэтому когда из кустов вышла фигура и встала на пути – мальчишек высматривать, что ли? – то сразу

отошла, увидев, о какой кошке речь.

Нас пропустили молча. Лишь потом донесся тот же молодой голос:

– Счастливо, брат мар. Ты уж постарайся не ссорить нас с властью.

Лирэн зло усмехнулся:

– Пока что, братья, я уберег вас от проклятия колдовского племени, одновременно не поссорив с властями. Так что думайте наперед, кто вам маршал, а кто в яму утянет из-за жадности и трусости.

Бросил напоследок ядовитую гранату, называется. А пока в кустах молчали, обдумывая его слова, мы уже вошли в трущобную улицу.

Шагов через триста пустошь окончательно осталась позади. Ночь тоже почти закончилась, силуэты домов выплывали из синеватого сумрака.

– Ты зачем влезла? – внезапно и резко спросил Лирэн, останавливаясь и за руку разворачивая меня лицом к себе.

Я слегка опешила. Ничего себе претензии! В чем я виновата? Не дала мальчику подрасться? Ну извините, не за этим шли.

– Теперь они все тебя видели! – продолжил Лирэн еще резче, подходя вплотную и буквально шипя мне в лицо.

Похоже, обиделся всерьез. На что? Ага, понятно – сама разрулила ситуацию, стала лидером. Еще и его потащила, как собачку на поводке. Эхе-хе... мужское эго – оно и в другом

мире мужское... это самое.

Спорить не хотелось. Делать мне больше нечего, стоять посреди трущоб и препираться с блондинистым мальчишкой. То есть не мальчишкой, конечно, юным мой спутник ни разу не выглядел, особенно когда такой злющий. Но разобиделся он как пацан, так что... Впрочем, как обращаться с петушистыми пацанами, я в курсе.

– Извини, пожалуйста. Ты герой, ты смог бы их победить. И двоих, и троих. И даже пятерых...

Осторожней, Аля! Поймет, что я так над ним смеюсь, – обидится еще больше.

– И мы бы прорвались. Но я испу... Я подумала, что меня могут ранить, и решила их уговорить.

Лирэн замолчал, развернулся и потащил меня дальше по улице. Я споткнулась о какую-то выбоину и охнула так, чтобы в этом междометии утонул мой смешок.

Блондин отпустил мое предплечье, за которое волок, и вполне галантно взял под руку.

– Ну, что есть, то есть, – пробурчал он на ходу вроде как примирительно. – Карте место, кость не перекидывают. Мы уже подходим. Стой здесь и молчи, не вздумай снова соваться поперек маршала.

Я послушно прислонилась к теплой стеночке. Интересно... это она с вечера не остыла? Или мне просто кажется?

Лирэн скользнул за угол, а я сделала пару шагов и стала подглядывать. Ну а что, я же не лезу, только смотрю. Вдруг

надо будет быстро драпать?

– Крошка, будь наготове. – Пальцы, зарывшиеся в шерсть животного и ощутившие прикосновение теплого меха, подавили хоть какую-то уверенность. И не напрасно – она мне понадобилась буквально сразу.

У дверей профессорского дома как почетный караул стояли двое стражников. Стояли и пристально вглядывались в каждого редкого прохожего.

И что делать? Опять хватать героя за рукав, чтобы не полез в драку?

Глава 9

Алина

Хватать за рукав не пришлось, слава всем тюльпанам и прочей местной ботанике. Лирэн сам не рвался в бой. Отпрянул обратно за угол, наступил мне на ногу, резко обернулся, узрел мой нос в сантиметре от своего и зашипел не хуже рассерженного Паршивца.

Сам сцапал меня за руку и оттащил на прежнее место:

– Я кому сказал: не лезь?!

– Да я и не лезу. – Руку пришлось выдирать силой из крепких пальцев. – Ай! Да не щипайся ты, гусь лапчатый! Я только осторожно выглянула, чтобы знать, пора уже драпать или подождать, пока ты вяжешься в драку со стражниками.

– Я гусь?! – поразился блондин. – Да кто тебя щиплет, нужна ты... Ладно. Сейчас узнаем, что там с Головой, с чего бы добродетельному Совету присылать сюда стражу. Как-никак, он лучший лекарь в городе, пусть и без диплома от бывшего королевского общества. Свои болячки братья из Совета таскают именно ему и вряд ли рискнут остаться с геморроем, но без волшебных свечек.

– Ну у тебя и познания, – хмыкнула я, ловя собеседника за полу. – Чтобы узнать подробности, необязательно лезть в лоб. У дома есть черный ход.

– Женщина! – по-кошачьи фыркнул Лирэн. – Ты разгова-

риваешь с главой Ночного Братства. Не тебе учить меня обходным путем. Неужели ты думаешь, что в Совете одни дураки и у черного хода нет стражников? Да их там больше, чем у парадного!

– Да-да, братец гусь, – сладко улыбнулась я в полутьме. – У черного хода наверняка охрана. А у самого черного, ну того, про который никто не знает, тюльпан даю, посвободнее. Сейчас Крошка сходит и проверит, правда, дорогая?

– Крошка? Хм... – Он еще что-то хотел сказать, но не успел, потому что за углом в предрассветном мареве послышались голоса и звяканье амуниции. Мы, не сговариваясь, прильнули к углу – Лирэн повыше, я пониже, а у самой земли наша кошачья спутница.

Через пару минут наблюдений братец гусь перестал сопеть мне в макушку, сообразил, что ради удобного обзора мы тут почти обнимаемся, и шустро отпрянул.

Подумаешь...

– Они приносили к Голове своего раненого товарища, – после секундного молчания озвучил очевидное Лирэн. – Потому и под дверь торчали те, кого добрый доктор не пустил в приемную. Теперь ушли.

– Ага. – Мне опять надоело спорить и препираться, хотя самоуверенный блондин отчего-то будил во мне вредину и хулиганку из младшей школы.

– Крошка пусть проверит, что там возле черного хода, – распорядился Лирэн. – Возле обоих черных ходов. А я кое-

что проверю с парадного. Ты стой тут! Поняла?

– Да поняла, поняла... – Раскомандовался тут. С другой стороны, все же, насколько я уяснила, мужик у нас – своеобразный «маркиз ангелов» и преступно-подкрадывательного опыта у него больше. Так что пусть...

Через полчаса мы наконец попали в дом лекаря. Ну, как попали – Лирэн зашел нормально один раз, потом выскочил и чуть ли не за шиворот заволок меня. Спешил очень. А Крошка влезла в окно, она оба входа проверила и не нашла там ничего, кроме помойного ведра, из которого добыла седлечный скелет. С ним и улеглась на пороге, после того как вежливо предложила мне угоститься находкой.

– Ну? – Сам доктор вошел в приемную хмурый, я бы даже сказала, злой. – Письмо есть?

Лирена он почему-то проигнорировал, обратился исключительно ко мне.

– Есть. – Я кивнула и полезла в карман за запиской. – Не столько письмо, сколько список нужных инструментов и лекарств.

– Вот засранка! – заругался Голова, выхватывая у меня бумажку из рук и впиваясь в нее взглядом. – Говорил же: не суйся, дура... нет, молодежь всегда самая умная, лучше знает!

– Прошу прощения, – вежливо прервал его Лирен и тут же огреб. Доктор его заметил и вызверился:

– Ах вот кто во всем виноват! Паршивый мальчишка! Я

тебя предупредал! Живо раздевайся, я тебя...

– Э-э-э... – слегка забеспокоилась я. Потому как не поняла, что там доктор собрался делать с моим спутником. Может, и надо бы всыпать, не спорю, если блондин и правда «во всем виноват». Но мне ж еще обратно на пустошь возвращаться, а одна я могу не пройти через выставленные кордоны.

– Снимай рубашку, засранец! – Сухонький и сердитый Голова подскочил к широкоплечему блондину и дернул того за одежду. Кажется, у них несколько более близкое знакомство, чем я думала. – А то я не вижу, что ты в двух местах скособочился и нормально не шевелишь правой рукой!

Самое удивительное, что Лирэн, покосившись на меня и недовольно хмыкнув, послушался. И оказалось, что он ранен не только в руку, но еще и в бок. Точнее, ему прилетело как-то вскользь, до трещины в ребре и здоровенной ссадины. Так-то ничего серьезного, но больно наверняка.

– А еще воевать собирался, – зловредно наябедничала я суемящемуся лекарю, успевшему не только размочить и промыть раны, но и перебинтовать ребра блондина тугой повязкой. И запахло, кстати, от повязки так знакомо...

– Йод?

Голова хмуро на меня зыркнул и кивнул:

– Йодоформ. Эти иномирные дикари за сорок лет так и не усвоили пользы стерильности ран и повязок.

– Понятно... – Я прикинула возраст доктора с веселым

именем, потом покопалась в памяти и вспомнила, в каких книгах читала про йодоформ, присвистнула. Получается, милый лекарь провалился в древнюю Францию то ли до, то ли во время, то ли сразу после Второй мировой. И прижился... С одной стороны, это открытие внушает надежду, с другой – повергает в уныние. Домой хочу!

Похоже, отсутствие главной лечащей силы в лице Магали положительно подействовало на Голову. Руки профессора не тряслись, он все делал сам, почти без помощи меланхолического юного ассистента, покинувшего свой секретарский пост на входе.

– Я смотрю, вы спелись, – пробурчал Лирэн, осторожно надевая рубашку и косясь в окно, где уже всюду цвел рассвет. – А нам, между прочим, надо было вернуться до того, как утро выгонит на улицы кучу народа и страже у пустоши придет смена. Днем там и проверяющие шляют, и много кого принести может, так что даже мои братишки не смогут пропустить нас. А ведь есть вариант, что им заплатили и отпустили. Тогда в кустах будут сидеть слишком добродетельные господа, которые мне ни разу не родственники.

Я спохватилась и тут же закусил губу. Черт. Луи может не дотерпеть до вечера, и вообще...

– М-м-мря! – Крошка доела свою добычу и ткнулась пахнущей селедкой мордой мне в руку. – Мр-р-ры!

– В принципе, донесет, – задумчиво сказала я, погладив нашу Багиру между ушей. – Если упаковать самое необходи-

мое в корзинку, кошка спокойно минует стражу. А остальные лекарства мы доставим позже.

Глава 10

Алина

Всегда знала, что кошка способна подражать любой другой твари. И растянуться на диване, как змея. И охранять хозяина, как собака. А такая умница, как Крошка-катланк, еще и понять, что от нее требуется стать на время почтовым голубем. Или сенбернаром, к которому приторочен пакет первой помощи.

Поначалу кошка ничего не понимала и увертывалась. Но я несколько раз произнесла: «Этьен!» После чего она замерла, как музейная статуэтка, и не препятствовала нашим общим трудам – профессор помогал завязывать, Лирэн советовал.

Наконец мы выпустили Крошку с черного хода на еще пустую улицу, и она умчалась, задрвав хвост.

Одна проблема, будем надеяться, решена. Мы вернулись в докторский кабинет, и Лирэн налил себе большой стакан из графина.

– Есть люди, которые выпьют воды и есть не хотят, – заметил он, – а бывает и так, что вода нагоняет прожор.

«Дай воды напиться, а то так голоден, что и заночевать негде», – с усмешкой подумала я, но промолчала, так как поняла, что тоже голодна. Ночью было особо не до еды, к тому же долгая беготня не только утомила, но и вызвала расход сил.

К счастью, профессор и его ассистент тоже вспомнили о завтраке. С ним оказался затык. Я не сомневалась, что в старину в таком благополучном доме всегда водилась прислуга – не докторское дело носить дрова и выгребать золу. Прислуга нашлась в виде девицы, напуганной вчерашним вторжением стражи и поэтому уклонившейся от своих обязанностей.

Я запретила всем трем мужчинам охать и подтрунивать. Провела сеанс ободрительной психотерапии и восстановила у бедняжки расстроенный трудовой функционал. Девица вскипятила воду для напитка, по вкусу ничем не отличавшегося от привычного кофе, нарезала хлеб и разные вкусности.

Мы позавтракали, после чего я оказалась во власти недавней присказки. Организм, зараза, еще недавно утверждавший, что не поел толком, теперь пытался склеить глаза, убеждая, что и выспаться не удалось.

«Надо бы попросить организовать нам лежбище на чердаке или в подвале, – сонно подумала я. – Сейчас спрошу девочку горничную».

– Кто что хочет, а я – спать, – заявил нахальный Лирэн, вытирая руки о скатерть. – Вот кушетка для меня.

И завалился в соседней комнате, несмотря на протесты ассистента, заявившего, что это его софа для дневного отдыха. Захрапел сразу – может, нарочно, а может, и естественно.

Я вздохнула и попросила горничную найти мне что-нибудь по соседству. Горничная поспешно указала мне на со-

седнюю комнату – начинался прием, и ей полагалось сидеть у входных дверей вместо секретаря, ставшего ассистентом.

Наверное, давно мой сон не был таким приятным и тревожным. Приятным – в чистой кровати, с бельем, подушкой и одеялом я спала только в другом мире, а может, и в другой жизни. Тревожным – потому что сон прекрасно уживался с мыслями, что позавчера ложе было неудобным, зато ситуация не в пример стабильней. Сейчас я хоть и вылеживаюсь на мягком, но оказалась в положении загнанной зверушки. И тот факт, что я не главный объект охоты, как-то не радует.

Сейчас-то подушка, одеяльце. А вот завтра где ночевать придется?

Поэтому я не удивилась, что проснулась легко – от громких разговоров неподалеку.

– Они мне всю скатерть на башку накрутили, чтобы мозги не вытекли, – донесся то ли плаксивый, то ли пьяный голос.

– Было бы чему вытекать. – Голосок собеседника был резче и звонче. – Не рыпайся, не мешай доктору.

Поспишь с таким соседством! Я встала, вышла из своей комнатушки, увидела, что лежбище Лирэна пусто. Надеюсь, ему хватило ума не пойти в приемную точить ляды?

К счастью, хватило. Нахальный блондин тусил в помещении по соседству с приемной. Окно было зашторено, Лирэн стоял в полумраке возле скелета и вполголоса беседовал с ним.

– Это как же тебя, парнишка, угораздило? – искренне спрашивал он, проводя пальцем по ребрам и производя простенький музыкальный ритм. – И жил, небось, не очень счастливо, и теперь все на тебя глазают. Зато никакая психна твои косточки не погрызет. Может, и мне так же распорядиться после своей смерти? Мудрая, еще не старая женщина, ты знаешь, как из человеков скелеты делают?

Вот нахал!

– Тех, кто так решил при жизни, – прошептала я, – сажают на муравейник. И людям трудиться не надо, и у дурака есть время одуматься и отказаться.

Лирэн удивленно взглянул на меня и хохотнул.

– Тише! – резко сказала я. Блондинчик решил обидеться, но услышал разговор из приемной и замолчал.

– Это где же такое приключилось? – заботливо спросил доктор. – Не на пустоши?

– Нет, уже после, – отозвался тот же резкий голосок, – в таверне. Стали о нашем замечательном маршале говорить, кто он – сокол или крыса. Ну и доспорились до табуретов и бутылей. Брату на брата просто так клинок вынимать нельзя...

Лирэн превратился в замерший слуховой аппарат, но подробностей о себе не узнал. Раздалось недовольное ворчание Головы:

– Да что такое! Нет Магали – нет бинтов! Мне шустрить, что ли?

Послышались приближающиеся шаги, и дверь в наше убежище-подслушище открылась. На миг нас ослепило солнце, бившее в окно приемной. Я все же разглядела пациентов и смогла их сосчитать. Или не смогла. И сделала не очень приятный вывод.

Но поделиться им с Лирэном не успела. Нас заметили.

– Брат мар, – уважительно, но с легкой насмешкой обратился к нему парень, державший за плечи своего товарища, сжавшегося в кресле в ожидании бинта, – надеюсь, с вами ничего особо страшного не случилось?

– Ну вот совсем ничего, – бодро заявил Лирэн. – Вы-то живы?

– Я-то жив-здоров, – ответил парень. – Женни только разбили табурет о макушку, когда предложил за ваше здоровье выпить. Вы уж возвращайтесь поскорей, ссоры тогда закончатся.

– Вернусь скоро, – ответил Лирэн. – Слушайте, Томасен и Женни, одна просьба. Простая маленькая просьба от вашего маршала, которого очень легко порадовать и совсем не надо огорчать. Вы уже заканчиваете? Ну тогда пообещайте, что меня здесь не видели.

– Не вопрос, – улыбнулся Томасен. – Слово брата, что я вас здесь не видел, а если мне показалось, что видел, то никому об этом не скажу, кроме родного отца, да и то потому, что он давно помер.

Не успела я понять, что же подозрительного в ответе, как

услышала Лирэна:

– Милый братец, зачем так сложно? Видишь мой клинок? Просто взгляни на него и скажи коротко: никому ничего не скажу. Можно с «кроме», можно без – неважно.

Голос блондина был тихий, но такой напряженный, что воздух слегка зазвенел. Томасен уже без улыбки повторил обещание, так же сделал и Женни.

– Давай-ка я помогу обмотать тебе голову, братец, – сказал Лирэн прежним насмешливым голосом. Помог ассистенту и кивнул уходящим братцам.

Я пристально взглянула на него.

– Думаешь, этого недостаточно? – спросил блондин с легким насхоком.

Ох уж эти грозные и ненаблюдательные мужчины...

– Этим двоим достаточно, – ответила я, – а как быть с третьим? Одноухий парень стоял у двери, увидел тебя, развернулся – и наутек. Видимо, решил, что с его бедой здесь не помогут.

– Здесь был и третий? – растерянно произнес Лирэн. После чего произнес длинную, громкую и эмоциональную фразу с перечислением мифологических существ и насильственных соитий между ними. Профессор заткнул уши, ассистент сел в кресло, оставленное пациентом, скелет, как мне показалось, вздрогнул.

– Это хорошо, – заметила я, – а что будем делать?

– Дыма нет, огня нет, а дом – горит, – спокойно, но и не

думая извиняться, ответил Лирэн. – Уходим.

Глава 11

Алина

Вот уж не думала, что этот дом такой уютный! Из него не хотелось уходить, как неохота вылезать из-под крыши, когда на улице льет как из ведра.

Но придется. Один одноухий козел умчался делиться с кем-то увиденным. Потому что другой козел, еще большей козлиности, вздумал поболтать со скелетиком. И спалил наше убежище, надо поскорее уходить.

Профессор и ассистент не то чтобы все поняли, но прониклись нашим настроением.

– Бинтов побольше возьмите, – говорил Голова. Лирэн отбивался, но я сама распахнула его торбу и затолкала пакетик с бинтами.

– Если нас не поймают, – хотела добавить «по известной чьей глупости», но сдержалась, – от лишнего бинта будет польза. А поймают – все равно.

Похоже, мне и вправду было все равно. Особенно когда мы спустились по черной лестнице и, озираясь, вышли в тот же проулок, в который ранним утром выпустили кошку. Сейчас-то солнце явно перевалило за полдень, но мне было не до солнца.

Которую неделю живу в туристическом экстриме – ни поесть, ни попить, ни умыться! Наконец-то нашла место, где

едят за столом, а спят на кровати. Разве я не заслужила полдня отдыха?! И тут одному мальчику пришло в голову погулять где не надо.

За что это мне? За что это все?!

– Могли бы и не бежать впереди страха. Этот писливый урод не сразу сообразил бы, кому меня продать, да и надо ли продавать. Остались бы, поели еще печенья с маком – очень оно вкусное... Э... Ты чего, всерьез?

Нет, блин, луком глаза натерла! Я уже и не пыталась сдержаться. Прислонилась к какой-то стене и нырнула в рыдания.

Ну правда, за что?! Украли из родного мира – между прочим, братки этого блондинистого оболтуса. С кем-то перепутали, чуть не казнили. Скиталась подземельями, нашла человечка, более несчастного, чем я сама, наверное, поэтому и сдерживалась эти дни. Поселилась на бомжовском пустыре, а оттого, что в этих бомжах есть какое-то волшебство, жизнь под открытым небом и не сытней, и не чище. Чуть-чуть приспособилась, купила котелок, суп варить, и плед, чтобы накрываться, так загнали в глушь под угрозой смерти. Пробралась мимо бандитов в приличный дом – и тут ни умыться, ни поспать толком.

Бегает козочка между волком и мясником, так ей еще не дают травку пощипать. У-у-у!

– Нет, правда, что ты? Зачем? – бормотал Лирэн. Я его даже понимала: крутой сильный мужик, все разрулит, всех победит. И не знает, что делать с бабьим хнычем. Ни посме-

яться, ни закричать – сам виноват.

Все меня здесь обижают. Я что, обидеться не могу? Не могу-у-у?!

– Ну не надо, я сказал: прекратить! Быстро! Немедленно. Ну пожалуйста... Увидят, – бормотал князь всех местных воров (или уже бывший князь?), переходя от диктата к мольбам.

Между прочим, если увидят, то, пожалуй, это не худший вариант. Даже если это будет поисковая группа, неважно чья, главного добродетельника или бывших подчиненных. Я не самый великий конспиролух, но догадываюсь, что люди, которых ищут, снуют с сосредоточенными лицами от угла к углу, а не устраивают слезных уличных сцен. Так что пусть скажет спасибо, собеседник скелетов, за мою импровизированную конспирацию.

Стихийный проливной плач начал переходить в управляемую истерику. Ничего, кому-то психологическая разгрузка, а кому-то – урок.

– Не хочу на пустошь! – бормотала я. – Хочу домой! Выспаться хочу, поесть нормально. Хочу в бассейн, хочу в спа. А цветы видеть не хочу! Ни тюльпаны, ни розы, ни гвоздики! Чтоб они все засохли! Я и без них дышу!

Лирэн дернулся, будто хотел зажать мне рот, но замер.

– Правда можешь? – спросил он с такой неподдельной искренностью, что хотелось не шутить, а ответить. И, увидев

мой кивок, сбросивший в пыль три-четыре слезки, продолжил: – Если бы я так мог, то не плакал бы, а смеялся.

– Найди мне спа-центр, а еще салон красоты, а еще номер с кроватью, чтобы спать до вечера. А лучше – до утра. И чтобы ни одна сволочь, ни с одним ухом, ни с двумя, ни с тремя, не беспокоила! – ожесточенно сказала я, глядя ему в лицо сквозь слезы.

– А что такое спа-центр? – растерянно спросил Лирэн. В его голосе было что-то детское, когда взрослые говорят незнакомые слова и нужно их понять, иначе разговора не получится.

Ох ты зараза! Ни хамством, ни мольбами, ни окаменелой мордой он меня бы не одолел. А вот тон малолетнего почемучки – всепробивная пуля.

И я, не замечая, что слезки понемножку высыхают, стала рассказывать про такие привычные, такие надоевшие и такие желанные сейчас удовольствия моего потеряннного мира. Блин, да я мешок золотых и воз цветов в придачу отдала бы за бассейн. Чтобы бурливо погонять шесть-восемь дорожек туда-сюда. Потом выйти, чуть обсохнуть, зайти и растянуться в хамаме. Потом обтереться большим белым полотенцем, хны-хны!

Впрочем, остаточные слезы не кипучи. Тем более я из ревущей тетки превратилась в интересного рассказчика. Лирэн слушал, задавал уточняющие вопросы, я отвечала, почти перестав всхлипывать.

Мы остановились рядом с какой-то лавкой. Мой спутник метнулся туда и вернулся с большой бутылкой.

Если вино – выплону. Если плохое – в рожу. Но напиток оказался чем-то вроде легкого сидра, приятным, умеренно сладко-кислым и пряным забродившим компотом.

– Это тебе для пополнения глазных боезапасов, – с прежней уверенной усмешкой пояснил он. – Забавно у вас, даже побывать захотелось.

Вот нахал! Плеснуть, что ли, в него компотом? Жалко, вкусный.

– У нас был король Энр Пятый, Несгибаемый Жезл, – столь же легко продолжил Лирэн. – Он так тиранствовал, что до сих пор сказки рассказывают. Отбирал лучших девиц из всех сословий, переодевал русалками, велел плескаться в озере во дворцовом парке, сам изображал морского черта на скале и требовал, чтобы слуги-раки ему на скалу девиц затаскивали, ну и их там... короче, оправдывал прозвище. У вас тоже ничего с этими плавательными озерами. Кстати!

Лирэн остановился и ударил себя по лбу. Мои слезы настолько просохли, что я разглядела: ударил, почти не коснувшись.

– У нас же и сейчас играют в развратную аристократию. Только без раков и чертей. И мы отдохнем и укроемся до ночи. А называется эта забава – салон Испытания добродетели.

Глава 12

Алина

– Салон Испытания добродетели? – переспросила я. – Что это такое?

– Так ты не знаешь, что это такое? – ответил Лирэн, окончательно вернувшийся к прежней насмешливости. – Понимаю. Лепесточки, с которыми ты связалась, самые добродетельные жители города. Они прозябают в такой нищете, что пороки к ним не липнут, как мотыльки к огню.

– Ответь на вопрос, иначе опять заплачу, – сказала я.

– Сейчас, – поспешил с ответом Лирэн. – В Городе Свободы очень многие верноподданные граждане не могут забыть времена тирании и разврата. Поэтому в театрах ставят пьесы о том, как добродетельные юноши и непорочные девицы, попавшие в растленное общество, на вечеринки и балы, падают в пучину порока, правда, в конце обычно из нее выныривают. Некоторым горожанам, конечно не бедным, хочется проверить, устояли бы они в такой ситуации или нет? Для этого и устроены салоны Испытания добродетели. Туда можно пройти или по знакомству, или хорошо заплатив на входе. Очень важное условие: участники бала непременно носят маски. А еще, чтобы испытание было особенно трудным, можно арендовать отдельный кабинет с мягким диваном и удалиться туда после танцев, конечно же вдвоем.

Я не смогла сдержать усмешки.

– А как к этому относится стража?

– Ее добродетель в этом случае подвергается своему испытанию – мздоимством. И она его почти всегда проигрывает. Идем?

– Да, – кивнула я. Слезы высохли, уличная драма закончилась. – погоди, но ведь балы обычно начинаются поздним вечером, при свечах.

– Ты права, такой салон закрывается перед рассветом. Но посетителей пускают туда уже сейчас. Ведь, как ты, наверное, знаешь...

– Я почти ничего не знаю, – огрызнулась я. – Меня притащили сюда, отправили на песочек, а оттуда я сбежала к лепесточникам, от которых нельзя ничего узнать, кроме того, как они сами живут.

– Ну, не знаешь – объясню, – без насмешки улыбнулся Лирэн. – Настоящие аристократы погибли, сбежали или пошли в гувернеры. Теперь в господах люди попроще. Некоторые – добропорядочные лавочники, они если и привыкли пировать допоздна, то лишь в своем доме. Поэтому они посещают салон довольно рано, чтобы вернуться домой к первому рожку ночной стражи. Ну и хвастаться – был в салоне Испытания добродетели и не поддался порокам. Кстати, добропорядочные горожане должны быть в курсе всех событий. Будем идти, читать вместе и ругаться с олухами, наступившими нам на ноги. Эй, малый!

Пробежавший мальчишка вручил Лирэну газету и умчался, понимая, что сдачи не требуют.

– «Гнусный заговор разоблачен: блюстититель Созидания в сговоре с презренными лепесточниками планировал удушить Город Свободы», – с чувством прочел Лирэн. – А так как моего Братства не существует, обо мне ни слова.

Я тоже уткнулась в газету, и мы пошли, действительно спотыкаясь о ноги прохожих. Ругаться и угрожать я представила Лирэну. Делал он это эффектно, мастерски и особенно зло, как любой мужчина, недавно вытерпевший женскую истерику.

Мы бродили по улицам час или больше. Город выглядел мрачно. Несколько раз мы обходили большие толпы возле лавок без вывески и слышали злой шепот: «Скоро и без заговоров дышать нечем будет!»

– Это за цветами, разумеется увядшими, – объяснил Лирэн. – С тобой гулять опасно: привыкнешь, что цветы не нужны, расстанемся – и не заметишь, как задохнешься.

Я промолчала. Сказать «не гуляй» было бы грубо, а «не расставайся» – глупо. Хотя... Просто так взять и расстаться мне бы не хотелось. Франсю и Луи (кстати, как там бедняга?) были милыми соседями, однако, чтобы мне более-менее понимать лепесточников, с ними надо было бы прожить лет десять, чего я не планировала. Маленький принц (что с тобой сейчас, Нико?) – ребенок, за которого я взяла ответ-

ственность. Но ребенок – это ребенок. Пусть такой же чудесный, как и лепесточки.

А с этим красавчиком я, пожалуй, смогла бы подружиться и в своем мире. Да, конечно, красавец-мужчина, самый крутой, веселый, наглый – продолжите список. Но внутри этой оболочки, на которую я по самое не могу насмотрелась в обычной жизни, было крепкое ядрышко. За одну наглость в лидеры разбойников не выбирают.

Между тем спутник, не догадывавшийся, что он объект моего рассуждения, остановился.

– Звякалки у меня завсегда с собой, но пополнить запас не помешает.

– Снимешь наличку с банкомата? – спросила я.

Лирэн удивленно взглянул на меня, словно услышав что-то знакомое и при этом непонятное.

– Потом объяснишь, – сказал он, скрываясь в дверях лавки, которую по внешним признакам можно было назвать дорогим магазином.

Я осталась у дверей, вглядываясь в газету. Местный алфавит я так еще и не освоила.

Начал накрапывать дождик. Я уже хотела зайти внутрь, но услышала:

– Уважаемая гражданка, вас потеряли?

Рядом был уже привычный патруль стражи. Вежливый – понятно, сейчас я не лепесточница. Но что-то ответить надо.

Выручил Лирэн, выскочивший из лавки.

– Дорогая, ты, надеюсь, исполнила гражданский долг? – мгновенно сказал он.

– Не успела, – удивленно ответила я, включаясь в игру.

– Уважаемые хранители порядка, я сам вас искал, чтобы спросить. Там на углу какой-то шутник недавно нарисовал тюльпан с короной. Это, что ли, теперь разрешено?

Оба стража, несмотря на оружие и амуницию, превратились в сухие листья и буквально улетели туда, куда указал Лирэн.

– А вот нам – в противоположную сторону. Не бегом, но быстро, – сказал он. – Я снял с этой банкомамы или банкоспапы, как там у вас. – Он хлопнул себя по отяжелевшему карману.

– Никого не зарезал? – спросила я.

– Ежегодный налог за спокойный сон. Братство их в этом году еще не навещало, зато явился сам маршал. Пошли, пока не полило. Это можно выкинуть.

Газету я выкидывать не стала, зато соорудила из нее подобие шапки, что восхитило Лирэна. А я обрадовалась дождю. Вообще-то, настоящего ливня в городе я еще не видела, так, морось. Но я не раз наблюдала, как лепесточки умели собирать даже самые скудные водные дары неба. Из этого дождика средней интенсивности они себе уж точно создадут запасы. Да и тюльпанчики не надо поливать.

В очередном проулке Лирэн внезапно звякнул в одинокий колокольчик. В стене открылась дверь, мой спутник туда

шагнул, потом вышел и протянул мне изящную белую маску, украшенную цветами.

– Это первое правило посещения салона, – сказал он, натянув на лицо черную маску со скрещенными шпагами. – Без масок сюда нельзя. К тому же, если ты, впад в порок гнева, заколешь обидчика, не снимая маски ни с него, ни с себя, тебя еще могут пустить сюда в следующий раз. А вот сорвать маску с твоего обидчика, даже мертвого, – нельзя.

Мне захотелось снять маску с него самого – понять, смеется он или серьезно. Но Лирэн уже вошел, и мне оставалось последовать.

Невзрачный коридор привел нас в достаточно большой зал. Половину занимали столики, почти все пустовавшие. Местный служитель открыл дверь в кабинет. Там, кроме столика и стульев, была софа.

– Изучим меню и начнем с чревоугодия, – сказал Лирэн. – Маску можно бросить на диван.

И я опять не ответила на колкость, так как поняла, что хочу есть. Причем не какой-нибудь сухарь с печенькой на бегу. Нормального супа – вот чего я вождедела эти дни.

Вот только как изучить меню? Строчки, как и в привычном нам шрифте, полагалось читать слева направо, это уже поняла. Что, к сожалению, не помогало усвоить смысл прочитанного.

Придется попросить о помощи кавалера. Раз уж он даму ужинает, пусть ей меню и читает. Или если меню нет, то рас-

сказывает.

Глава 13

Алина

– Закажи, пожалуйста, похлебку, – попросила я.

Еще одна проблема коммуникации с местным народом – я разбираю их язык, но там, где не уверена, предпочитаю использовать уже услышанные слова. К тому же освещение нашего кабинета было очень уж скудным: плотные шторы надежно закрывали узкое оконце, а свет настенных свечей позволял предаваться любым порокам, кроме чтения текстов, включая отсутствующее меню.

– Похлебку? – переспросил Лирэн.

– Да, – кивнула я и уточнила: – Горячий отвар из мяса и кореньев, с приправами.

Мой собеседник улыбнулся, потом рассмеялся. Похоже, я выбрала не совсем подходящее слово, что-то вроде «хлёбово» или даже «хрючево». Моя стряпня на пустоши вполне подошла бы под это определение. Чего спорить.

– Лучше заказать суп, – наконец сказал Лирэн. – Если принесут похлебку, мне придется вылить ее на лакея или приказать ему съесть самому.

В эту секунду колокольчик на стене сказал мелодичное «дзынь-зинь». Я заметила, что шнурок через дырку уходил в зал – звон заменял стук в дверь.

– Войди, – распорядился Лирэн. – Славный малый, –

усмехнулся он официанту, которых здесь, как я поняла, называли лакеями, – моя дама желает суп «Развратный герцог». Также жаркое «Неумеренный граф», фруктовую корзину и цветник на закуску. Да, большую бутылку вина «Отдых сладострастника»...

– И такую же бутылку фруктовой воды «Похмелье пропойцы-аристократа», – сымпровизировала я.

Лакей-официант взглянул на меня с таким удивлением, будто заговорила софа, накрытая узорным покрывалом. Я тоже с интересом смотрела на него, точнее на расшитую ливрею, только сейчас разглядев сюжет рисунка: на берегу речки сидели пастух и пастушка, правда одетые как жених и невеста, а над ними вместо амурчиков кружили крылатые чертенята.

– Да, – продолжил Лирэн, – и еще корзиночку хлеба «Благородный нахлебник».

Лакей удалился, аккуратно закрыв дверь.

– Суп и жаркое будут готовить, – сказал Лирэн. – Вино и закуски принесут сейчас.

– Я не хочу вина, – ответила я.

– И я не хочу, – с печальной усмешкой вздохнул Лирэн. – Пойми, деточка, в жизни бывают минуты, когда вино само хочет нас.

«Подотри соплю под носом, разболтавшийся философ!» – вспомнила я бабушкину присказку. Но не озвучила. Во-первых, при всей своей наглости он не сопляк. Во-вторых,

вспомнила другую мудрость, уже собственную: не мешай другим учить тебя жизни. Просто живи как считаешь нужным, и пусть другие болтают что хотят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.